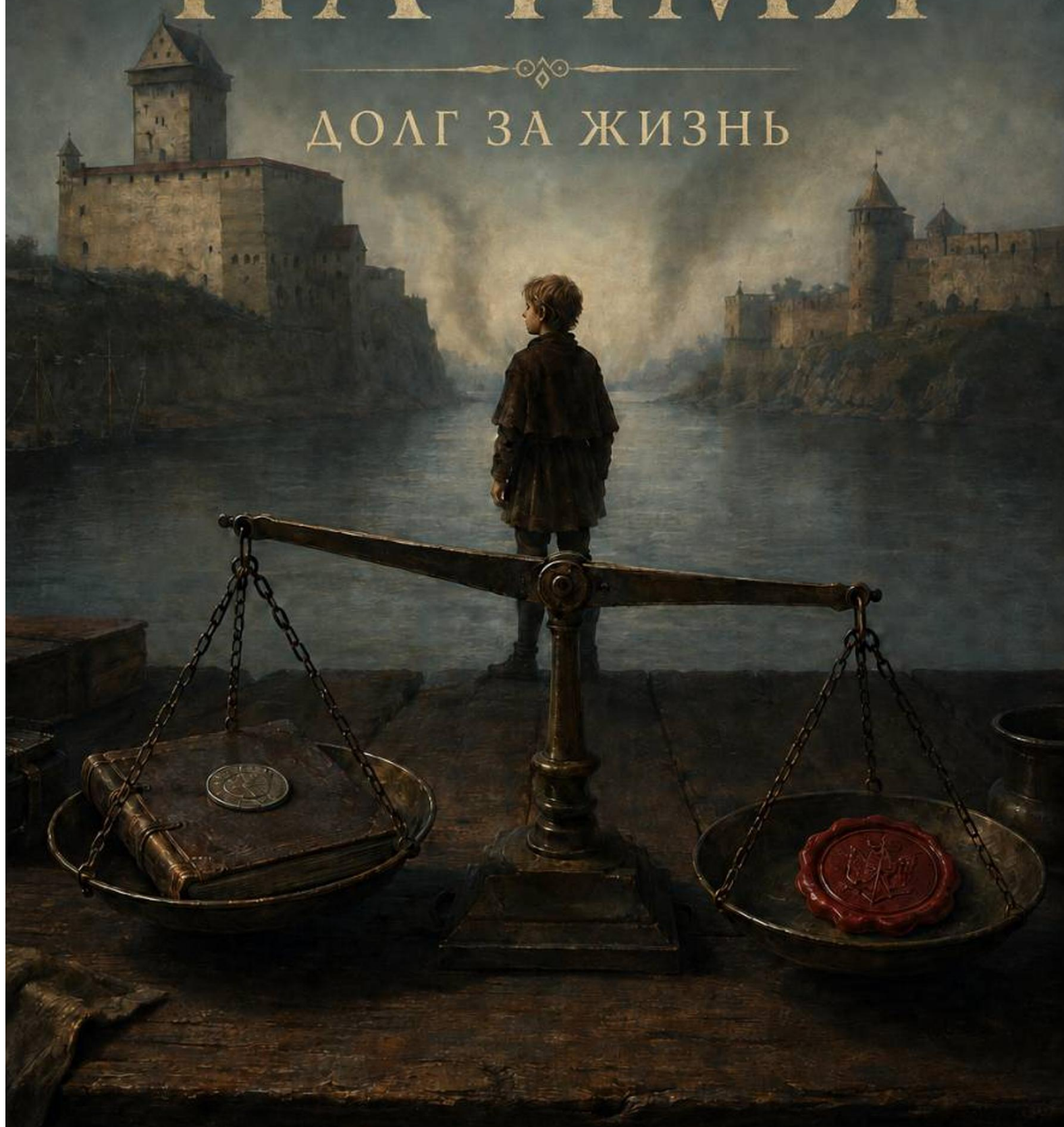

ИЛЪЯ ФИЛАТОВ

ПРАВО НА ИМЯ

ДОЛГ ЗА ЖИЗНЬ

Илья Филатов

Право на имя

«Автор»

2026

Филатов И.

Право на имя / И. Филатов — «Автор», 2026

Константин Мезенцев, бывший военный разведчик и специалист по транспортным рискам, умирает в тридцать шесть лет — и приходит в себя в теле десятилетнего Маттиса Крузе, нелюбимого сына нарвского купца. На дворе 1547 год. До Ливонской войны остаётся чуть больше десяти лет, и Константин слишком хорошо знает, чем она закончится. Но знание истории не даёт ему ни денег, ни власти, ни права распоряжаться собственной жизнью. Его единственный союзник — дядя Гаврила, который первым замечает: после возвращения из воды племянник стал другим. Школьные враги, поддельные гири, купеческие долги, засады и пожар — каждая новая опасность становится частью большой игры. Чтобы выжить и обрести независимость, Маттису придётся научиться побеждать взрослых, не выдавая, насколько далеко он просчитывает их ходы. Вторая жизнь кажется подарком лишь до тех пор, пока не приходит время платить по счетам.

© Филатов И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Два имени в одном теле	5
Глава 1. Неудача? Или шанс?	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Право на имя

Часть первая. Два имени в одном теле

Глава 1. Неудача? Или шанс?

Меня звали Константин Сергеевич Мезенцев. Мне было тридцать шесть лет, и в последний вечер своей жизни я занимался тем, что умел лучше всего: искал чужую ошибку.

Контейнер с медицинским оборудованием исчез между финским портом и складом под Петербургом. По бумагам он пересёк границу, прошёл досмотр и даже успел занять место на нашей площадке. В действительности площадка была пуста, заказчик каждые семь минут вспоминал новые способы меня уволить, а диспетчер клялся, что водитель не мог свернуть с маршрута.

Когда человек говорит «не мог», обычно это означает, что он очень не хочет проверять.

Я сидел в переговорной, пил четвёртый кофе и слушал запись разговора водителя с диспетчером. За стеклянной стеной молодой сотрудник моего отдела по имени Антон изображал спокойствие перед заказчиком. Получалось убедительно, если не смотреть на его левую ногу: она отбивала под столом пулемётную очередь.

— Ещё раз с двадцать третьей минуты, — попросил я.

Антон прикрыл микрофон телефона ладонью.

— Константин Сергеевич, там уже трижды слушали.

— Значит, четвёртый раз будет особенно познавательным.

— Клиент требует ответ.

— Ответ у нас есть: груз пропал. Ему почему-то не нравится.

Антон невольно улыбнулся и снова включил запись. Водитель жаловался на очередь перед погрузочной площадкой, потом спрашивал, куда поставить машину. На заднем плане дважды прозвучал гудок судна.

Я остановил запись.

— Порт он покинул в четырнадцать десять?

— По отметке — да.

— А говорил с диспетчером в пятнадцать сорок семь?

— Да.

— Тогда откуда слышно судно?

Антон перестал качать ногой.

Через десять минут мы нашли ошибку. Водителю продиктовали номер северной площадки, но в сообщении стояла одна неверная цифра. Он привёз контейнер на соседний терминал, где охранник увидел правильную пломбу, неправильную накладную и поступил самым естественным для ночной смены образом: поставил груз за дальний ряд и решил, что утром разберутся другие.

Контейнер обнаружили целым. Заказчик перестал обещать мою голову конкурентам и начал объяснять, что с самого начала доверял нашей команде. Диспетчер написал заявление по собственному желанию, хотя ошибка принадлежала не ему одному. Я заставил Антона поднять всю цепочку сообщений и нашёл человека, перепутавшего цифру. Наказывать его оказалось поздно: он закончил смену, выключил телефон и уехал отмечать день рождения дочери.

— Позвонить? — спросил Антон.

Я посмотрел на часы. Почти одиннадцать.

— Утром.

- А если клиент потребует виноватого сегодня?
- Назови меня.
- Серьёзно?
- Я начальник. Бесплатно мне выдают только ответственность. Остальное по ведомости. Антон снова усмехнулся, а потом осторожно спросил:
- Вы домой-то собираетесь?
- Уже выдвигаюсь.
- Вы так три часа говорите.
- Обстановка меняется. Приказ остаётся.

Когда-то такие разговоры происходили в палатке, броне или сыром лесу. Теперь между нами стояли стеклянные стены, кофейный автомат и корпоративный плакат о бережном отношении к сотрудникам. Привычки всё равно оставались армейскими. Сначала вывести людей, проверить имущество, доложить, потом вспомнить, что у тебя есть собственная жизнь.

С последним пунктом у меня складывалось паршиво.

Из армии меня комиссовали после травмы колена. Разведывательная рота оставила несколько полезных приобретений: умение просыпаться до будильника, запоминать лица после одного взгляда и не верить словам «дорога свободна», пока сам её не проверишь. Вместе с ними осталась привычка превращать людей в функции. Этот хорошо ориентируется. Тот способен починить рацию проволокой и угрозами. Третий паникует, но никогда не бросает раненых. Очень удобная система — до тех пор, пока кто-нибудь не спросит, кем в ней являешься ты сам.

Бывшая жена спрашивала.

Марина говорила, что даже во время семейных ссор я мысленно составляю на неё служебную характеристику. Мы прожили вместе шесть лет и разошлись почти образцово: без измен, крика и разбитой посуды. Однажды она спросила, хочу ли я семью или просто стараюсь качественно выполнять обязанности мужа. Я начал объяснять разницу между желанием и ответственностью и только к середине ответа понял, что уже проиграл.

Потом мы ещё год делали вид, будто спор можно выиграть правильной формулировкой.

Детей откладывали до новой квартиры, её повышения и окончания моего большого проекта. Проект закончился. Марину повысили. Квартиру я купил уже после развода. В ней было две комнаты, хороший вид и слишком много места для человека, который возвращался только спать.

На парковке Антон догнал меня и протянул блистер таблеток.

- Вы опять оставили на столе.
- Это не мои.
- Ваши. Вы их утром рядом с кофе положили.

Я посмотрел на название. Таблетки действительно были моими. Терапевт выписал их после того, как давление решило поставить личный рекорд.

- Значит, диверсия не удалась.
- Вам к врачу надо.
- Записан.
- На когда?
- На ближайшее светлое будущее.

Антон не засмеялся.

- Константин Сергеевич, вы сегодня серый.
- Это освещение.
- На улице?
- Очень настойчивое освещение.

Я забрал таблетки, чтобы он отстал. В кармане они и остались.

Домой я вернулся позже обычного, бросил на тумбочку ключи и рабочий пропуск и только после этого посмотрел на телефон. Антон прислал короткое сообщение: «Контейнер на месте. Пломба цела. Клиент подписал. До понедельника».

До понедельника. Великая формула гражданского мира. В армии неприятность редко соглашалась подождать выходных.

Я разогрел еду, забыл её в микроволновке и лёг поверх одеяла. На прикроватной тумбе лежала книга о торговле в Ливонии перед войной. История была единственным увлечением, которое пережило службу, брак и работу. Меня интересовали не короли и даты сражений, а дороги, склады, пошлины и причины, по которым один порт богател, а другой умирал в нескольких десятках миль от него. На полях теснились заметки о ценах, расстояниях и спорных маршрутах.

Нормальные люди перед сном читали детективы. Я выяснял, сколько телег требовалось, чтобы довезти пушечное железо от Пскова к Нарве в весеннюю распутицу. У каждого своё представление об отдыхе. Моё хотя бы не мешало соседям.

В шкафу стояла коробка с фотографиями матери. Я дважды обещал себе разобрать её в отпуске, но отпуск всегда оказывался нужнее работе, чем мне. Отец умер ещё во время моей службы, мать — три года назад. После её похорон я открыл коробку, просмотрел верхние снимки и закрыл. С фотографиями было неудобно: они ничего не требовали, поэтому откладывать встречу с ними можно было бесконечно.

В тот вечер я всё-таки достал коробку.

Самым старым снимком оказалась выцветшая фотография с живописного группового портрета. Полотно сняли плохо: лица терялись в сером зерне, края обрезало, а в углу за спинами взрослых стоял мальчик-паж в старомодном тёмном воротнике. Мать когда-то обвела карандашом маленькую складскую метку на изображённом внизу тюке. Подписи не было.

Я помнил, как спросил мать, кто это.

«Не знаю. Снимок лежал в бабушкиных бумагах», — ответила она.

«А мальчик?»

«Не знаю. Прабабка собирала старые виды, счета и портреты. Возможно, её интересовала метка на грузе».

«И никак не выяснить?»

«Константин, ты даже живым родным звонишь раз в месяц. Зачем тебе человек без имени?»

Мы рассмеялись и сменили тему. Потом я собирался спросить снова. Не успел.

Фотографию я положил на раскрытую книгу с заметками о старых торговых путях. Между плохо снятой картиной и страницами не существовало никакой доказуемой связи — только привычка складывать рядом незаконченные вопросы.

Взгляд скользил по строкам, а в голове снова звучал вопрос Марины. Если убрать работу, службу и привычку решать чужие проблемы, кто я такой?

Шесть лет назад я не сумел ответить. Теперь впервые попытался — возможно, потому, что ни один человек не ждал ответа и не мог им разочароваться.

Сердце ударило сильно и неровно.

Сначала я решил, что перепил кофе. Потом боль отдалась в левое плечо, дыхание перехватило и стало понятно: кофе получил незаслуженное обвинение.

Телефон лежал на тумбочке в двух шагах. Я сел. Комната накренилась, будто пол под ногами превратился в палубу. Попытался встать и упал на колено. В кармане куртки, брошенной у двери, остались таблетки. Очень грамотное место хранения. Почти штатно.

Шутка не помогла.

Я потянулся к телефону, зацепил край книги и столкнул фотографию на пол. Последней увидел обведённую матерью метку на старом тюке. Последней мыслью было не «я умираю». Мысль оказалась обиднее и проще: опять не успел.

Смерть не объяснила, кто я такой. Она лишь отняла всё, чем я привык отвечать.

* * *

Холод вернул мир одним ударом.

Я попытался вдохнуть и вместо воздуха втянул воду. Меня крутило в тёмной глубине, тяжёлая одежда тянула вниз, пальцы не слушались, а грязно-жёлтое пятно света дрожало где-то в стороне.

Паршиво.

Для человека, который только что умер, положение ухудшалось с неприличной скоростью.

Паника требовала грести наугад, но старая привычка сначала искать ориентир ещё работала: пузырьки идут вверх. Я развернулся вслед за ними, сделал два гребка и ударился головой о днище судна. Перед глазами вспыхнуло. Ладонь нашла шершавые доски, потом край. Я оттолкнулся к свету, однако тело оказалось чужим, коротким и слабым. Оно истратило последние силы раньше, чем я ожидал.

Чья-то рука вцепилась в волосы.

Меня выдернули между бортом и сваями, протащили по мокрым доскам и перевернули животом вниз. Вода вышла из лёгких вместе с кашлем. Первый вдох ободрал горло. Вторым подтвердил, что жить будет больно. Вокруг разом прорезались голоса.

Нарова, осень 1547 года. Гаврила вытаскивает Маттиса из воды.

- Дышит!
- Поверни голову, дурень, дай воде выйти.
- Маттис! Мальчик, открой глаза!
- За лекарем бегите!

Маттис.

Я поднял голову. Мир качнулся. Надо мной склонился широколицый мужчина с русой бородой, в мокром шерстяном плаще. Он тяжело дышал, будто только что бежал, а на правой ладони зияла свежая ссадина от причальной доски. За ним толпились грузчики и зеваки в коротких куртках. Мачты рассекали низкое небо. Пахло рыбой, дёгтем, мокрой пенькой и нечистотами.

Я попытался встать — и обнаружил, что руки стали тонкими и короткими.

Мужчина прижал меня к доскам.

— Лежи, племянник. Матвей, слышишь меня?

Я слышал, но понял не сразу. Память подсказала: для русской родни я был Матвеем, для отцовского дома — Маттисом. Оба имени почему-то отзывались как собственные. Стоило всмотреться в его лицо, как память ударила сильнее речной воды.

Гаврила Ильич Панкратьев. Маменькин брат. Приезжал из Пскова дважды в год. Привозил сушёные яблоки, учил русским буквам и никогда не смеялся, когда я держал деревянный меч двумя руками. Сегодня он должен был осматривать пришедшие с востока бочки у соседнего причала. Услышал крик мальчишек и успел первым.

Гаврила Ильич Панкратьев — брат Марфы, учитель и первый союзник Маттиса.

Я не вспоминал эти сведения. Я их знал — так же просто, как Константин прежде знал лицо своей матери.

— Где... — Голос сорвался и прозвучал тонко. — Где я?

Брови Гаврилы сошлись.

— У старой пристани. Ты полез на мокрую сваю и сорвался. Что последнее помнишь?

Я закрыл глаза не для вида. За веками существовали две комнаты, две матери, две реки памяти. Одна принадлежала Константину Мезенцеву. Вторая — десятилетнему Маттису Крузе, младшему сыну нарвского купца.

Маттис пришёл сюда после школы. Юрген Каппель отнял у Павла шерстяные рукавицы и бросил их на сваю. Маттис полез доставать, потому что Павлу снова пришлось бы идти домой с голыми руками. Юрген прижал его пальцы носком сапога и, смеясь, давил, пока Маттис не разжал их. Дальше — вода, удар головой и темнота.

— Я не сорвался. Мне наступили на пальцы.

Толпа притихла. Гаврила посмотрел поверх меня на стоявших вокруг мальчишек. Юргена среди них уже не было. Дитер, который обычно смеялся следом за ним, тоже исчез. Павел стоял возле бочки — бледный, без рукавиц, с застывшими у рта пальцами.

— Кто? — спросил дядя.

Имя уже поднялось к горлу.

Юрген Каппель. Двенадцать лет. Сын члена городского совета. Учитель всегда находил причину не видеть его шалостей. Отец Маттиса не любил скандалов сильнее, чем младшего сына. Павел зависел от случайной работы на чужих складах. Свидетели разбегутся, магистр Райнер назовёт произошедшее детской игрой, а Юрген поймёт, что ошибся лишь в одном: заставил меня отпустить сваю там, где оставались свидетели.

Это ещё не был план. Только перечень причин не делать первое, чего хотелось испуганному ребёнку.

— Не видел, — прошептал я.

Гаврила посмотрел слишком внимательно.

Он знал прежнего Маттиса. Тот назвал бы имя, заплакал и потребовал справедливости. Я же успел оценить свидетелей, семьи и возможный ответ противника. Скрыть перемену в первые минуты новой жизни получилось паршиво.

— Потом поговорим, — сказал дядя.

Он снял с себя плащ и завернул меня. Под тканью пахло дорогой, конём и дымом. Гаврила поднял меня на руки, хотя я попытался возразить.

— Сам дойду.

— Ты только что проиграл реке.

— Ничья.

— Река осталась на месте.

Спорить было нечем.

Гаврила поднял меня, и только тогда служебное спокойствие лопнуло.

Я умер.

Не «кажется, потерял сознание», не «плохо помню». Я помнил боль в груди, телефон в двух шагах, фотографию на полу и последнюю мысль. После этого была вода. Между квартирой и рекой не существовало дороги, по которой человек мог пройти, сохранив рассудок.

Меня затрясло уже не от холода.

— Поставь, — потребовал я.

— Дома поставлю.

— Сейчас.

Я вывернулся так резко, что Гаврила едва не уронил меня. Ноги коснулись досок и подломились. Я вцепился в его рукав, посмотрел на тонкие голени в мокрых чулках, на маленькие ладони, на обломанные детские ногти.

Десять пальцев. Ссадина на правом указательном. Родинка возле запястья, которую узнавал Маттис и никогда не видел Константин.

— Зеркало, — сказал я.

— Что?

— Мне нужно зеркало.

— Тебе нужен лекарь.

Я услышал собственный голос и прижал ладонь к горлу. Высокий. Срывающийся. Не мой.

Мимо нас прошла женщина с корзиной, перекрестилась и ускорила шаг. Грузчики уже расходились: спасённый мальчик дышал, представление закончилось. Мир не заметил, что только что нарушил все правила.

В голове возникали объяснения одно хуже другого. Последняя вспышка умирающего мозга. Кома. Бред от нехватки кислорода. Сон, собранный из книги на тумбочке и старой фотографии. Если это сон, боль слишком убедительна. Если бред — почему я знаю, что у Гаврилы под левым рукавом шрам от собачьего укуса? Если чужая память — где сам мальчик?

Последний вопрос напугал сильнее остальных.

Маттис Крузе упал в воду. Я открыл его глаза. Значило ли это, что он умер и я занял оставшееся тело? Или мы оба были здесь — две памяти, две воли, один голос? Я попробовал вспомнить лицо собственной матери — и увидел. Попробовал поставить рядом Марфу. Не пришло ни лица, ни голоса: только резной гребень, запах старого сундука и детское знание, что мать умерла, даря ему жизнь. Попытался вызвать самое раннее воспоминание. Вместо одного пришли два: отец Константина держит велосипед за седло; Гаврила ведёт Маттиса за руку по льду.

Маттис Крузе, для русской родни — Матвей. Десять лет.

Меня вырвало речной водой прямо на сапоги дяди.

— Всё, — сказал он. — Хватит стоять.

— Я не Маттис.

Слова вышли шёпотом.

— Что?

На одну безумную секунду я захотел рассказать ему всё. Назвать Петербург, автомобили, телефоны, самолёты. Потребовать, чтобы он доказал реальность. Переложить невозможное на первого человека, который оказался рядом.

Гаврила смотрел испуганно. Не как человек, готовый услышать о переселении души. Как дядя, у которого племянник ударился головой и перестал узнавать себя.

— Я не... — повторил я и почувствовал внутри детский ужас: если меня сочтут одержимым, безумным или подменным, никакие знания не помогут. — Я не могу идти сам.

— Это я уже понял.

Он снова поднял меня. На этот раз я не сопротивлялся. Прижался лбом к мокрому плащу и считал вдохи, потому что счёт был единственной вещью, одинаково настоящей в обоих мирах.

Меня понесли к дому. Тело дрожало так сильно, что зубы выбивали дробь. Город проплывал мимо на уровне чужих поясов: мокрый камень, деревянные фасады, узкие водостоки, телеги, свиньи у стены, вывески без привычных букв. Слова вокруг сначала звучали угловато, затем память Маттиса подхватывала смысл раньше, чем Константин успевал удивиться.

Нарва.

Не музейная крепость и не строчка в исследовании. Живой порт, который ещё не знал, сколько раз его будут брать, жечь и делить.

У ворот дома Крузе нас встретил высокий сухой мужчина с аккуратно подрезанной бородой. Узнать его оказалось больше, чем Гаврилу.

Отец.

Хинрик Крузе сначала посмотрел на меня. Потом на мокрый плащ. Потом на грязную воду, стекавшую с сапог на каменный порог.

Хинрик Крузе — нарвский купец и отец Маттиса.

— Что произошло?

— Твой сын едва не утонул, — ответил Гаврила по-немецки.

— Я вижу. Почему он оказался у старой пристани?

Ни объятий, ни испуга. Сначала нарушение порядка, потом всё остальное. Тело Маттиса сжалось раньше, чем я успел приказать ему стоять спокойно.

— Упал, отец.

Взгляд Хинрика остановился на разорванном рукаве.

— Куртка новая.

Гаврила медленно повернул к нему голову.

— Куртку я тебе куплю.

— Речь не о деньгах.

— Разумеется. О них ты говоришь понятнее.

Между мужчинами протянулась старая ненависть. Я почувствовал её не выводом взрослого, а памятью мальчика: осторожные поклоны, вежливые слова, маменькино имя, после которого отец уходил из комнаты.

Хинрик первым отвёл взгляд.

— Гертруда! — крикнул он в дом. — Горячую воду. И пошли за лекарем.

На лестнице появилась крепкая женщина в сером платье, с тяжёлой связкой ключей на поясе. Домоправительница Крузе управляла слугами, кладовыми и семейным бытом с одинаково недоверчивым выражением лица. Увидев меня, она побледнела, но голос остался сердитым.

— На кухню его. Нечего стоять на сквозняке. Господин Панкратьев, вы с него плащ вместе с кожей снять хотите?

Так я узнал первую форму здешней заботы: приказ, произнесённый так, будто спасённый сам виноват в доставленных хлопотах.

Служанки стащили мокрую одежду, растёрли кожу грубой тканью и напоили чем-то горячим, горьким и подозрительно полезным. Лекарь слушал грудь, нюхал дыхание и рассматривал язык. Я позволял делать с собой всё. Спорить с медициной XVI века можно было после того, как перестанет качаться потолок.

Воспоминания приходили не списком, а толчками. Скрип третьей ступени. Два медных шейкеля за печной заслонкой. Голос Гертруды, ругающей за грязные чулки. Рука Гаврилы поверх детской кисти, державшей перо. Пустое место на стене рядом с портретом первой жены отца. Ночной плач, когда мальчик понял: у старших — брата Бруно и сестры Эльсбе — есть изображение их матери, а у него — только резной гребень в сундуке.

Я оставался Константином. Знал свою квартиру, Марину, Антона, службу и фотографию на полу. Но обида Маттиса не была чужой мыслью. Она жила в животе, в сжатых плечах, в привычке прислушиваться к шагам отца.

Две памяти не смешались. Они смотрели друг на друга и пока не решили, кому принадлежит тело.

Когда служанки вышли, я добрался до полированного медного блюда. Оно искажало лицо, растягивало щёки и делало лоб огромным, но не могло превратить взрослого мужчину в мальчика.

Из металла на меня смотрел ребёнок лет десяти. Светло-каштановые волосы прилипли к вискам, на носу проступали веснушки, правое ухо торчало чуть сильнее левого. Ничего знакомого. Чужое лицо, в котором страх заставлял искать хоть одну прежнюю черту и не находил.

Блюдо выпало из рук и загрохотало по полу.

Вбежала Гертруда.

— Что разбил?

— Ничего.

Она подняла медь, проверила край и только потом посмотрела на меня.

— Тогда чего побледнел?

Я не мог сказать: надеялся увидеть в чужом лице хоть что-то своё — и не увидел.

— Голова закружилась.

— В кровать.

— Я не хочу спать.

— Тебя не спрашивают.

— Если усну...

Голос задрожал. Гертруда приняла это за страх после воды и смягчилась настолько, насколько умела: не стала тащить силой.

— Проснёшься, — сказала она. — Я оставлю дверь открытой.

— Откуда знаете?

— Потому что у меня ужин не готов, лекарь требует горячую воду, твой дядя мокрый ходит по чистому полу, а господин Хинрик спрашивает про куртку. Если ты ещё и не проснёшься, день станет совсем невыносимым.

Она помогла лечь и действительно оставила дверь открытой.

Я боролся со сном почти час. Щипал себя за руку, повторял адрес квартиры, номер телефона Марины, фамилии сослуживцев и даты Ливонской войны. Потом повторял имена семьи Маттиса, расположение комнат и утреннюю молитву. Я боялся потерять любую из жизней. Боялся проснуться Константином на полу — беспомощным, умирающим и успевшим придумать вторую возможность. Ещё сильнее боялся открыть глаза здесь и понять, что возвращения не будет.

Сон всё равно пришёл. Человеческая воля многое о себе воображает, пока тело не решит иначе.

Проснувшись в той же комнате, я сначала испытал облегчение. Потом ужас от собственного облегчения.

Где-то существовала — или уже не существовала — моя квартира. Антон утром напишет и рассердится, что я не ответил. Марина узнает от чужого человека. Мою мать никто не узнает: она умерла раньше и оставила фотографию, о которой я не успел спросить снова. У Константина была жизнь, не особенно счастливая, но настоящая. Я потерял её и уже радовался, что не потерял новую.

За такую измену самому себе не существовало суда. Только память.

К вечеру начался жар. Я то проваливался в сон, то просыпался от кашля. Гаврила сидел возле кровати, точил короткий нож и делал вид, что занят только лезвием.

— Дядя.

Осенок остановился.

— Я здесь.

— Какой сегодня день?

— Ты ударился головой сильнее, чем я думал.

— Лекарь спрашивал, помню ли даты. Хочу проверить.

Гаврила назвал день святого и год от Рождества Христова. Я попросил повторить.

— Тысяча пятьсот сорок седьмой, — медленно сказал он. — Осень. Что именно тебя пугает?

Ответов было слишком много.

Иван Четвёртый только в этом году венчался на царство. Москва пережила великий пожар. Ливонская конфедерация ещё казалась прочной. Купцы спорили о пошлинах, магистры

— о вере, жители Нарвы строили планы на десятилетия и не знали, что в январе 1558 года русские войска перейдут границу, а весной город сменит хозяина.

Я знал.

Точнее, знал то, что попадёт в книги. Не знал, кто завтра привезёт соль, кому должен Хинрик, почему Юрген именно сегодня заставил Маттиса отпустить сваю и что делать одиннадцатилетнему человеку, которому сейчас десять.

История давала карту. Опыт уже успел напомнить: карта и дорога редко совпадают из вежливости.

— Матвей?

— Вспоминаю.

— Что?

Я посмотрел на собственные тонкие пальцы.

— Сколько всего не успел.

Гаврила некоторое время молчал. Потом убрал нож.

— У тебя впереди много лет.

В устах человека XVI века это звучало не обещанием, а рискованным предположением.

— Будем посмотреть, — пробормотал я.

— Что будем?

— Смотреть.

— Тогда так и говори. У тебя слова после реки идут строем не той армии.

Я закрыл глаза. Дядя ещё не понимал, насколько оказался прав.

До войны оставалось чуть больше десяти лет — целая жизнь для ребёнка и очень короткий срок для человека, который уже однажды не успел ответить на главный вопрос. Будущее казалось воспоминанием, но воспоминания предупреждают только о том, что уже случилось. Всё остальное по-прежнему требовалось прожить.

На этот раз я собирался успеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.